

немъ нѣтъ хорошаго, и что всѣ ваши похвалы ему—
ложь и лицемѣріе...

Словомъ, графъ ничего не оставитъ вамъ, всего лишитъ васъ, все разрушитъ и затопчетъ, ради одного имъ излюбленнаго текста—*не противься злу*, на которомъ основаль онъ всю свою разрушительную теорію.

Удивляюсь, какъ не удивляется самъ графъ Толстой, что множество изъ числа его горячихъ поклонниковъ, якобы глубоко вѣрующихъ въ его поученія, продолжаютъ жить совершенно по-прежнему: иные—всею душой преданы интересамъ семьи своей, другіе—продолжаютъ служить царю и отечеству, третьи—преспокойно ѣдятъ убоину и даже курятъ! но... если бъ я хоть на одинъ день повѣрилъ графу Л. Н. Толстому, я бы къ вечеру застрѣлился. Жизнь показалась бы мнѣ такою пустою, такою ненужною, такою запутанною и смутною во всемъ, что до сихъ поръ, казалось мнѣ, было такъ ясно и неоспоримо, что—жить бы не стоило.»¹⁾

И дѣйствительно, сколько людей кончило жизнь самоубійствомъ отъ ученія Толстого!

III.

Но особенно поражаетъ насъ, говоритъ тотъ-же писатель, въ Толстомъ вотъ что: какъ это онъ, великій художникъ, глубоко проникавшій въ челоуѣческое сердце, не понялъ, что безъ вѣры въ Воскресеніе Христово не было-бы и Христіанства.

Оно-то, воскресеніе Христа Спасителя и сдѣлало всесильнымъ имя—Его, да о имени Іисусовѣ поклонится всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. Безъ предположенія Воскресенія Христова христіанство было-бы непонятнымъ уже и въ самомъ началѣ, самомъ происхожденіи своемъ, а тѣмъ болѣе въ дальнѣйшемъ распространеніи его. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ распятый, униженный Христось, потерпѣвшій полное пораженіе, могъ стать основателемъ христіанской церкви, сдѣлаться средоточіемъ всемірной исторіи, собрать подъ знаменіемъ Своего креста общество Своихъ послѣ-

¹⁾ Подонскій стр. 55.